

2707

СОВЕТСКАЯ КУЛЬТУРА

поиски и находки

БЛОК ЧИТАЕТ СТИХИ

Страницы из дневника 1920 года

В мае 1920 года москвичи из расклеенных по городу малоформатных афиш почему-то нежно-розового цвета узнали о предстоящих публичных выступлениях Александра Блока.

В сущности, это были первые встречи поэта с его московскими читателями. Участие его в двух литературных вечерах, состоявшихся в 1916 году в сравнительно узком кругу и без предварительных оповещений, можно и не брать в расчет.

В 1920 году Блок был на вершине своей славы. «Двенадцать» и «Скифы» прочитала вся страна, размежеванная фронтами гражданской войны. О них уже узнали и в Европе, и в Америке. Но сам поэт за пределами Петрограда оставался фигурой никому не известной.

Интерес к объявленным блоковским вечерам был велик — билеты раскупили мгновенно.

Три афишных вечера прошли в переполненной Большой аудитории Политехнического музея с громадным успехом.

В более интимной обстановке Блок читал 14 мая во Дворце искусств. Об этом выступлении и пойдет речь.

Под Дворец искусств был отведен один из лучших старомосковских особняков, еще «допожарной» постройки — так называемый «Дом Ростовых» на Поварской (ныне улица Воровского, 52), где вот уже много лет помещается правление Союза писателей СССР.

Особняк передали людям искусства со всем, что осталось в нем от последних владельцев — графов Соллогубов. Тогда еще сохранились в первозданном виде и парадная лестница, на которой посетителя встречали два закованных в латы рыцаря, и просторный белый зал, и целая анфилада богато убранных гостиных — красная, зеленая, розовая, желтая, китайская, венецианская. Во всех комнатах, обитых штофом и парчой, было много мрамора, бронзы, фарфора, хрустала, старых картин и портретов.

Сюда послушать Блока пришли литераторы, художники, актеры. Пришла и Марина Ивановна Цветаева с восьмилетней дочкой Алей.

Это была девочка не совсем обыкновенная. Она поражала всех, кто видел ее хотя бы мельком, совсем не детским складом речи и не по годам обширным знанием новейшей русской поэзии. Мать она звала по имени — Мариной и на Вы.

Илья Эренбург рассказал, как он в первый раз зашел навестить Цветаеву. Навстречу вышла совсем маленькая, но очень серьезная девочка и с ходу заговорила стихами:

Какие бледные платья!
Какая странная тишь!
И лилий полны объятия,
И ты без мысли глядишь...

Эренбург обомлел (стихи, кстати сказать, Блока!)

Аля и сама писала стихи, невольно перенимая манеру матери. Они были совсем не похожи на то, что дети слагают «в рифму», — настолько не похожи, что Цветаева рискнула некоторые из них включить особым разделом («Стихи моей дочери») в сборник своей лирики «Психея» (1923).

Этой девочке суждена была большая и сложная жизнь. Ей довелось и много потрудиться в ранней юности, и послужить республиканской Испании во время ее схватки с фашизмом, и пройти через многие тяжелые испытания, и, наконец, стать отличной переводчицей французских поэтов. Последние годы жизни Аля — Ариадна Сергеевна Эфрон — посвятила розыскам, изучению и публикации литературного наследия матери. Неожиданная смерть настигла ее в разгаре работы над интереснейшими воспоминаниями о Марине Цветаевой.

Мы с Ариадной Сергеевной дружили и деятельно переписывались. Письма ее всегда были содержательны и интересны. Нередко они превращались в своего рода новеллы о прожитом и пережитом, о примечательных людях, с которыми ее сводила судьба.

Однажды Ариадна Сергеевна решила порадовать меня рассказом о том, как в детстве она слушала Блока.

Как и полагалось не по летам разумной, пылкой и наблюдательной девочке, Аля вела дневник. Побывав с матерью на вечере Блока во Дворце искусств, она подробно изложила свои впечатления.

Но сначала — письмо А. С. Эфрон ко мне, из которого будет видно, как все происходило.

«15 января 1963

Милый Владимир Николаевич. Псылаю Вам кусочек своего детского Блока. Увы, это, видимо, все, что сохранилось. Эти листочки были вклеены мамой в кни-

жечку «Стихов к Блоку», подаренную знакомой в Праге, в 1924 году. Кусочки переписаны маминой рукой, ничто не «исправлено» и не «отредактировано» в детском тексте. Только запись была большая, подробная. Но и эти хвостики, пожалуй, интересны, во-первых — детской «фотографичностью», достоверностью и непосредственной близостью во времени (записано на следующий день), и что-то дают, воссоздают: то, как Блок плохо выглядел; манеру чтения; произношение — «кольцы, колокольцы». Что читал («Возмездие», «Незнакомка», «Утро седое...»). Интересна «золотая» оправка, правда? Ребенку лицо позолотило оправу. И про маму хорошо и точно сказано: отсутствие радости и восторг. (Не думайте, что я себя хвалю! Та девочка — совсем не я, поэтому и оглядываюсь на нее с нежностью)...».

Вот эта уцелевшая выдержка из дневника Али:

«...Чуть только расселись, в толпе проносятся шепот: «Блок! Блок! Где он? Блок! За стол садится!». Сирень... Все изъясляют безумную радость».

Деревянное вытянутое лицо, темные глаза опущенные, неяркий сухой рот, коричневый цвет, весь как-то вытянут, совсем мертвое выражение глаз, губ и всего лица. (Блока можно было бы положить в гроб, он от этого бы не стал мертвее).

...Извините, Марина. В последние его слова, хотя напругала слух, я почти засыпала. Мне кажется, что он еще говорил, что сын забыл отца.

А. А. Блок на этом остановился и кончил. Все аплодируют. Он смущенно откланивается. Народ кричит: «Прочтите несколько стихов! Двенадцать! Двенадцать, пожалуйста!».

— Я... я не умею читать «Двенадцать»...

— «Незнакомку!» «Незнакомку!»

«Утро туманное» читает Блок.

Как мальчик, шаркнула;

Отвешивает... «До поклон

свиданья...»

И звякнул о браслет жетон,

Какое-то воспоминанье!

Больше я стихов в напеве не помню, но могу передать в прозе: «Твое лицо лежит на столе в золотой оправе

предо мной. И грустны воспоминания о тебе. Ты ушла в ночь в темно-синем плаще. И убираю твое лицо в золотой оправе со стола».

А. А. Блок читает: колокольцы, кольца. Читает деревенно — сдержанно — укороченно. Так, точно знали их при рождении.

Ты хладно жмешь к моим губам

Свои серебряные кольца...

Я в это время стояла на голове какой-то черной статуи, лицо которой было живее, чем у самого Блока. У моей Марины, сидящей в скромном углу, было грозное лицо, сжатые губы, как когда она злится. Иногда ее рука брала цветочки, которые я держала, и горбатый нос вдыхал беззапахный запах цветущих листьев. И вообще в ее лице не было радости, но был восторг.

Становилось темно и А. А. Блок с большими расстановками читал. Наверно, от темноты. Через несколько минут все кончилось. Марина приказала Х провести меня к Блоку. Я, когда вошла в комнату Блока, сделала вид, что просто гуляю. Потом подошла к Блоку. Осторожно и легко взяла его за рукав. Он обернулся. Я протягиваю ему письмо. Он улыбается и шепчет: «Спасибо».

Я раздвигаю юбочку, как бы собираясь танцевать, и глубоко кланяюсь. Он небрежно кланяется с легкой улыбкой. Ухожу».

Какой живой, непосредственный рассказ — не правда ли?

Последний абзац требует пояснений. Идя на вечер Блока, Марина Ивановна переписала и вложила в конверт несколько своих стихотворений, обращенных к Блоку. (Стихи эти в ту пору еще не были напечатаны).

Блока она боготворила: «Вседержитель моей души!».

Но сама передать ему конверт со стихами не решилась — то ли от смущения, то ли от «восторга». И попросила художника Василия Милоти (в тексте — Х) провести Алю с письмом в комнату, где после вечера была устроена для Блока «чашка чая с молодыми поэтами».

На книжке «Стихи к Блоку» (Берлин, 1922), куда вклеены эти листочки, есть дарственная надпись: «Ариадне Черновой — соименице моей дочери — голос из хора. Марина Цветаева, Прага, февраль 1924 г.».

Вл. ОРЛОВ.